

Ер. Мишинский (Громогласов И. М.) Противораскольническая беллетристика: [Рец. на:] Попов К. Раскол и его путеводители. 2-е изд., дополн. М., 1901 // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 7/8. С. 626–633 (3-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Противораскольническая беллетристика.

К. Поповъ. Расколъ и его путеводители.
Издание 2-е, дополненное. М. 1901. Стр.
IV + 629. Ц. 2 руб.

Настоящая замѣтка будетъ касаться не столько самой книги, заглавіе которой выписано выше, сколько вообще того рода произведеній, къ которому принадлежитъ она и которому можно дать названіе „противораскольнической беллетристики“. Этимъ именно мы обозначаемъ довольно уже обширную теперь группу писаній, въ которыхъ предметомъ „художественнаго“ изображенія являются темныя стороны раскольническаго быта и отрицательные типы изъ раскольнической среды. О „художественности“ такихъ произведеній можно, впрочемъ, говорить лишь съ очень большими ограниченіями. И эти послѣднія обусловливаются не однимъ только размѣрами таланта тѣхъ авторовъ, изъ-подъ пера которыхъ выходятъ беллетристическія повѣствованія изъ жизни раскола. Гораздо существеннѣе въ этомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, тотъ избытокъ полемической тенденціозности, который составляетъ характеристическую черту большинства писаній этого рода. Указанная черта дѣлаетъ ихъ очень похожими на тѣ весьма многочисленныя въ литературѣ расколовѣднія историко-полемическіе опыты, авторы которыхъ ставили своимъ девизомъ—изображать расколъ, рѣшительно со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ пунктахъ „изобличаемый своею исторією“. Этотъ девизъ, очень узко понятый и слишкомъ

прямолинейно примѣненный къ дѣлу, заставлялъ расколывѣдовъ стараго времени заботливо изыскивать не только дѣйствительно цѣнные историческіе факты, но и чисто анекдотическія мелочи, рисующія грубость и невѣжество раскольниковъ, совершенно обходя при этомъ и пропуская мимо все то, что не отвѣчаетъ цѣлямъ всесторонняго и неуклоннаго изобличенія. Излишне говорить о томъ, какъ мало соответствовала подобная разработка раскола основнымъ требованіямъ объективно-научнаго знанія; но нельзя не замѣтить, что и въ цѣляхъ чисто полемическихъ указанный приемъ былъ выбранъ крайне неудачно: сосредоточивая вниманіе расколывѣдовъ исключительно лишь на темныхъ сторонахъ и недостаткахъ, характеризующихъ раскольническую среду, онъ создавалъ слишкомъ поверхностный взглядъ на причины религіознаго разобщенія и пріучалъ видѣть въ расколѣ противника, борьба съ которымъ казалась проще и легче, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. И тѣмъ не менѣе, не смотря на свои очевидные недостатки, указанный способъ отношенія къ расколу, издавна установившійся въ спеціальной литературѣ расколывѣдѣнія, не только благополучно продержался въ ней въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, не исчезнувъ окончательно и доселѣ, но и проникъ, благодаря той же литературѣ, въ болѣе широкую общественную среду, ставши въ ней источникомъ одностороннихъ понятій и предубѣжденныхъ сужденій о своеобразномъ мірѣ почитателей двуперстнаго креста и сугубой аллилуіи. Отраженіемъ этихъ то ходячихъ понятій и взглядовъ, подсказанныхъ полемическою предубѣжденностью, и являются сплошь да рядомъ тѣ произведенія, которыя мы отнесли къ разряду „противораскольнической беллетристики“. Казалось бы, какое дѣло до спеціально полемической точки зрѣнія на расколъ писателю-беллетристу, взявшему дѣйствующихъ лицъ для своего разсказа или повѣсти изъ раскольнической среды? Для него эта среда, со всѣми ея религіозно-бытовыми особенностями, должна быть предметомъ правдиваго, объективно-художественнаго воспроизведенія, какъ и всякая другая. Какъ бы ни относился такой авторъ къ собственно раскольническимъ мнѣніямъ, онъ не можетъ забывать того, что одна принадлежность его героевъ къ числу послѣдователей раскола еще не даетъ права разсматривать всѣ безъ

исключенія факты ихъ жизни, какъ результатъ ихъ раскольническихъ вѣрованій, и что нельзя безъ грубаго нарушенія жизненной правды рядить въ однообразную маску людей, держащихся одинаковыхъ вѣрованій. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Въ большинствѣ случаевъ „беллетристическія“ произведенія изъ исторіи или современной жизни раскола поразительно напоминаютъ тѣ „лубочныя“ картинки, которыми еще въ недавнее время украшались стѣны крестьянскихъ избъ въ деревенскихъ захолустьяхъ. Пишущій эти строки живо помнитъ многіе образцы этого лубочнаго художества, которыми ему не разъ случалось любоваться въ дѣтскіе годы. Большинство ихъ составляли картинки батальнаго характера: на быстрыхъ коняхъ нѣсколько фантастическаго вида мчатся другъ на друга два враждебныхъ строя подъ предводительствомъ своихъ вождей, отличенныхъ отъ рядовой массы тѣмъ, что своимъ ростомъ раза въ два или въ три превосходятъ простыхъ воиновъ. Размахистая кисть художника, не пощадившаго красокъ, однимъ мазкомъ раскрасила въ ярко-зеленый цвѣтъ мундиры одного строя, захвативши по пути головы людей и коней; такая же полоса, только синяго цвѣта, прошла по противоположному строю, придавъ ему замѣчательное единство и въ значительной степени сгладивъ очертанія отдѣльныхъ фигуръ... Въ разсказахъ и повѣстяхъ, содержаніе которыхъ взято изъ жизни раскола и его послѣдователей, манера творчества зачастую та же самая. Грубые мазки, однотонно раскрасившіе группы дѣйствующихъ лицъ, почти не даютъ возможности различить отдѣльныхъ человѣческихъ обликовъ и лишаютъ послѣдніе даже отдаленнаго сходства съ живою дѣйствительностью. Передъ читателемъ появляются и приходятъ какіе-то однообразные манекены, въ которыхъ принадлежность къ расколу стерла всѣ индивидуальныя черты, вытравила безъ остатка всѣ хорошія свойства человѣческаго ума и сердца. А иной особенно послѣдовательный беллетристъ-изобличитель не остановится даже передъ тѣмъ, чтобы сообщить и внѣшнему облику раскольника возможно болѣе отталкивающія черты, превращающія его въ какое-то фантастическое чудище, въ грубую и нелѣпую каррикатуру. Мы могли бы назвать одинъ романъ изъ раскольничьяго быта, появившійся лѣтъ пять тому назадъ и успѣвшій выйти уже вто-

рымъ изданіемъ, гдѣ раскольники представлены не только людьми порочными и безсовѣстными, но и имѣющими четверугольные носы, на большее посрамленіе себѣ предъ православными, которые всѣ являются въ романѣ героями добродѣтели, красавчиками и умниками... Говорить о художественной цѣнности подобной „беллетристики“, конечно, нѣтъ надобности: большихъ художественныхъ красотъ въ ея доселѣ имѣющихся образцахъ не съумѣютъ отыскать даже ихъ обычные читатели и почитатели. Послѣдніе, нужно думать, цѣнятъ въ литературѣ этого рода исключительно тѣ отличительныя тенденціи, которыя даютъ ей видъ какъ-бы нѣкотораго подспорья дѣлу противораскольнической полемики. Лишь этимъ предположеніемъ мы можемъ объяснить себѣ то, что типичныя образцы „противораскольнической беллетристики“, въ прежніе годы находившей себѣ пріютъ преимущественно въ фельетонномъ отдѣлѣ мелкой прессы, за послѣднее время стали появляться въ видѣ приложенийъ къ одному изъ спеціальныхъ духовныхъ журналовъ.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько правленъ указанный сейчасъ взглядъ на тенденціозную беллетристику, какъ на подспорье православной полемики съ расколомъ, и обратимся къ книгѣ г. Попова — одному изъ образцовъ, хотя и не самыхъ типичныхъ, такого писательства.

„Расколъ и его путеводители“—это рядъ очерковъ, рисующихъ типы и отношенія въ средѣ отдѣлившагося отъ церкви старообрядчества. Изъ 54 статей, вошедшихъ въ составъ сборника, только 5 или 6 представляютъ собою простой пересказъ дѣйствительныхъ фактовъ или воспроизведеніе подлинныхъ документовъ; всѣ остальные имѣютъ форму беллетристическихъ разсказовъ, точнѣе—такъ называемыхъ „сценковъ“ изъ раскольническаго быта. Нѣтъ нужды передавать здѣсь содержаніе этихъ разсказовъ, чтобы опредѣлить ихъ общій характеръ: самъ авторъ предупредительно облегчаетъ эту задачу, высказывая въ предисловіи въ книгѣ свой взглядъ на общественную среду, къ которой принадлежать описываемыя имъ дѣла и лица. Миръ раскола представляется ему въ чертахъ исключительно отрицательныхъ. „Раскольникъ—по его словамъ—вообще лукавый человекъ, злобный, метильный и истиной не живетъ. Ко всѣмъ другимъ ис-

повѣданіямъ онъ относится крайне враждебно, нетерпѣливо, является крайнимъ ругателемъ и хулителемъ всякой, чуждой ему, святости. Раскольникъ любитъ учить другихъ, совращать въ свою секту, но самъ не любитъ выслушивать мнѣніе другихъ лицъ. При собесѣдованіи раскольникъ любитъ, чтобы его одного слушали, и тогда онъ изображаетъ собою „ангела во плоти“—тихаго, кроткаго, смиреннаго, говоритъ плавно, медленно, заунывно, часто вздыхаетъ, иногда плачетъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на слушателя; но если ему является возражатель, который опровергаетъ его мнѣніе и выясняетъ ему ложь, раскольникъ выходитъ изъ себя, кричитъ, ругается, говоритъ дерзости и не преминетъ похулить и церковь, и святую... Раскольникъ всегда и во всемъ двойственный человѣкъ: одна сторона его жизни идетъ на показъ, „да видимъ будетъ предъ челоуѣки“; другая, гдѣ онъ является въ поразительной наготѣ своихъ челоуѣческихъ слабостей, тщательно скрывается имъ отъ непринадлежащихъ къ его сектѣ лицъ, но которой онъ собственно живетъ и дышитъ. Показная сторона жизни у раскольника — тихій вздохъ, шептанье молитвы, напускное смиреніе, постоянное крестное знаменіе и пр. Это щитокъ, за которымъ скрывается и пьянство, и развратъ, и алчность, и мошенство, и др. пороки. Всю эту грязь раскольникъ прячетъ потому, что самъ привыкъ всегда судить пороки другихъ, выставлять ихъ на показъ и потому боится, какъ бы и ему не кольнули въ глаза.... Раскольникъ пьетъ больше, чѣмъ православный, также напивается „до положенія ризъ“, но онъ дѣлаетъ это въ кругу своихъ единовѣрцевъ, тихо, въ домѣ, подъ запоромъ... И такъ во всемъ лукавство, хитрость и лицемеріе проявляютъ раскольники, дѣлая одно, а показывая другое“. Дальнѣйшее содержаніе книги служитъ какъ-бы оправданіемъ этой общей характеристики, замѣняя намѣчаемая ею черты конкретными типами и картинами раскольниковъ жизни. На темномъ фонѣ рядовой раскольниковской массы, безпомощно путающейся въ элементарныхъ понятіяхъ и непрерывно дробящейся изъ-за пустыхъ обрядовыхъ мелочей, передъ глазами читателя проходитъ длинная вереница еще болѣе темныхъ силуэтовъ раскольниковскихъ „коноводовъ“, разыгрывающихъ изъ себя „радѣтелей старой вѣры“, и подъ ея прикрытіемъ

безсовѣстно эксплуатирующихъ народную простоту. Попечители и попечительницы молеленъ, не знающіе границъ своему самодурству, тѣшащіе свое самолюбіе низкопоклонствомъ окружающихъ и беззапѣтливо запускающіе руку въ общественный карманъ, начетчики и уставщицы, морочащіе народъ своимъ напускнымъ благочестіемъ и втихомолку разрѣшающіе себѣ „на вся“; злостные тунеядцы, святоши и юродивые, разные „отцы Разстанофіи“, „Алешни-праведники“ и „преподобныя матери Голиндухи“, сумасшедшіе фанатики и ловкіе аферисты,—все это „путеводители“ раскола, среди которыхъ робко жмутся болѣе невинные представители мелкаго раскольническаго люда, въ родѣ „горемычнаго Микиты“, совершающаго свою „оскверненную“ молитву у печки, или простодушной Аграфены Никитишны, облегчающей себѣ трудъ молитвеннаго подвига „поклонами въ скамеечку“. Одна за другой смѣняются картины, рисующія царство безпросвѣтной тьмы и безграничной порочности, возбуждающія чувство отвращенія къ однимъ и снисходительной жалости къ другимъ представителямъ этого міра невѣждъ, плутовъ и проходимцевъ. Мрачныя краски и каррикатурныя очертанія пущены въ ходъ въ такомъ изобиліи, что въ концѣ концовъ утомляютъ зрителя и... возбуждаютъ невольное сомнѣніе въ правдивости находящихся передъ нимъ изображеній. Самъ авторъ предвидитъ возможность такого отношенія къ своимъ очеркамъ раскола со стороны читателей—и спѣшитъ предупредить въ предисловіи, что заподозрить достовѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія: въ беллетристической формѣ, представляющей то удобство, что она „доступна всеѣмъ и каждому“, онъ изобразилъ лишь дѣйствительные факты, былъ, перемѣнивши только имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ. „Если бы тотъ или другой скептикъ, подобно мнѣ,—говоритъ г. Поповъ—отъ рожденія прожилъ 25 лѣтъ въ расколѣ, одной съ нимъ жизнью, ихъ мыслями, интересами, самъ вращался и участвовалъ на соборахъ и ихъ дѣянiяхъ, въ качествѣ истаго раскольника; если бы и послѣдующую четверть вѣка онъ провелъ бы опять—таки въ средѣ раскольниковъ, въ ближайшихъ отношеніяхъ съ ними, то едвали онъ заподозрилъ бы что либо въ моихъ разсказахъ и отнесъ ихъ къ области сочинительства автора. Можно говорить, что все это глупо, дико, невѣже-

ственно, но мало ли что творится въ простомъ народѣ и дикаго и страннаго. Намъ кажется это глупо, а въ простомъ народѣ выходитъ очень естественно“.

Не станемъ оспаривать этихъ заявленій автора и допустимъ, что представленныя имъ черты изъ раскольническаго быта цѣликомъ взяты изъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Но и за всѣмъ тѣмъ еще остается возможность поставить вопросъ: не имѣемъ ли мы передъ собою въ изображеніи г. Попова исключительныхъ и единичныхъ случаевъ, односторонне подобранныхъ и слишкомъ поспѣшно возведенныхъ на степень общихъ явленій силою предвзятаго мнѣнія? Опасеніе вполне естественное, если принять во вниманіе вышеприведенную характеристику раскольниковъ въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ. Содержаніе и тонъ этой характеристики невольно выдають ея дѣйствительный источникъ. Это не итогъ спокойной наблюдательности, осторожно обобщающей дѣйствительные факты, а голосъ крайняго предубѣжденія, забывающаго границы справедливости и благоразумія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно серьезно утверждать, что *каждый* раскольникъ, въ силу именно своей принадлежности къ расколу, „вообще лукавый чловѣкъ“, и непременно „пѣть больше православнаго“? Подобное увѣреніе остается неубѣдительнымъ даже и подъ перомъ автора, „прожившаго 25 лѣтъ въ расколѣ, одной съ нимъ жизнью“. Недовѣріе къ его объективности, внушаемое предисловіемъ, естественно переносится на остальное содержаніе книги, и невольно думается при чтеніи составляющихъ ее очерковъ и рассказовъ, что это—не картины раскольническаго быта, воссоздающія обыденную дѣйствительность, а карикатуры „лубочнаго“ художника, смотрящаго на расколъ сквозь призму полемическихъ предубѣжденій.

Но не составляетъ ли самая эта тенденціозная односторонность повѣствованій въ разсматриваемой книгѣ ея положительнаго качества, если посмотрѣть на нее съ точки зрѣнія не объективно художественныхъ задачъ, а интересовъ противораскольнической полемики? Самъ авторъ не упускаетъ изъ вида такого значенія своихъ очерковъ и въ этомъ указываетъ даже, въ концѣ предисловія, цѣль изданія своей книги. Онъ считаетъ нужнымъ выводить наружу различныя безобразія, существующія въ расколѣ, „чтобы темная и за-

кулисная жизнь раскольниковъ была всѣмъ извѣстна, чтобы раскольники, прикрывающіеся тогою праведниковъ, святыхъ, а внутри полные всякой грязи и нечистоты, не обманывали простой народъ и не выдавали ложь за истину“. Это—взглядъ на задачи разсказовъ и очерковъ изъ раскольническаго быта, раздѣляемый, какъ мы видѣли, не однимъ нашимъ авторомъ. Но не слишкомъ ли преувеличены подобныя надежды, возлагаемыя на произведенія тенденціозной „противораскольнической беллетристики“? Съ своей стороны мы не особенно склонны увлекаться ими—и вотъ почему. Для людей, хорошо знающихъ расколъ, и для самыхъ раскольниковъ такія произведенія ненужны и безцѣльны: тѣ и другіе хорошо знаютъ *дѣйствительные* недостатки раскола, и тенденціозное преувеличеніе ихъ не поставятъ, конечно, въ заслугу сочинителю. Что же касается средней массы православныхъ читателей, которые, быть можетъ, только по этимъ произведеніямъ впервые познакомятся съ внутреннимъ характеромъ и бытомъ раскола, то для нихъ подобныя источники свѣдѣній о послѣднемъ способны, думается намъ, принести *вредъ*, едва-ли не перевѣшивающій ожидаемую пользу. Они могутъ внушить одностороннее и несправедливое представленіе о раскольнической средѣ, которая при всѣхъ ея недостаткахъ все же не есть сплошной міръ негодяевъ, туеядцевъ и мошенниковъ; а что еще печальнѣе—забросить въ душу довѣрчиваго читателя искру того фанатическаго предубѣжденія, той отчужденности и озлобленности, которыя такъ неумѣстны и нежелательны въ отношеніяхъ православныхъ людей къ своимъ заблуждающимся братьямъ.

Ер. Мишинскій.

